Это была очень длинная неделя, и я крепко спал. Видел сон, очень хороший сон. А потом это был не сон.

В комнату пролилось достаточно света, чтобы я смогла разглядеть, кто это.

"Мама?" сказал я, но она прервала дальнейший разговор поцелуем, а затем одним плавным движением опустилась на меня, и я был внутри нее, и это было сверх хорошо. Это было идеально.

Не поймите меня неправильно. Я не девственник. Ну, я не был девственником. Была моя школьная подружка, с которой я делил заднее сиденье машины каждую пятницу и субботу, а иногда и постель, когда родители уезжали из города. Не думаю, что мне когда-либо удавалось довести ее до оргазма, но я научился возбуждать ее до такой степени, что она промокала сквозь джинсы. Я узнал ее вкусы и запахи, но я всегда был очень осторожен, чтобы не вырваться и не кончить ей на живот. Никаких нежелательных беременностей у нас не было.

Второй раз я провел выходные с удивительно толстой и пугающе страстной подружкой невесты, с которой познакомился на свадьбе друга, где в качестве жениха я был с ней в паре. Она прилетела из маленького городка в Вайоминге на свадьбу своей племянницы, и мы, как говорится, "сдружились". Я провел эти выходные в ее гостиничном номере, узнав, насколько чертовски сексуальной, возбуждающей и просто бодрящей может быть женщина весом 324 фунта. Эту деталь я узнал, когда мы пошли в бассейн и джакузи отеля, где, как оказалось, были весы. Ей было комфортно в своих размерах, она хихикала, покачивалась и поощряла меня исследовать ее.

Третьей была культуристка, с которой у меня была связь, когда мы оба учились в технической школе в ВВС. Я встретил ее в спортзале. Я занимался на мешке и тяжелом мешке, поддерживая навыки, полученные в тяжелые часы в додзе. Она занималась на тренажере "наутилус", прорабатывая каждую группу мышц, и прорабатывала их очень интенсивно. По моим подсчетам, у нее было не более трех унций жира. Она была спортивной и энергичной, и прежде чем мы ложились спать, мы оба пропитывались потом и ее любовным нектаром. Я доводил ее до оргазма.

Четвертой была матрона, которая оказалась женой командира эскадрильи. Ей было 40 с небольшим, и она была самым настоящим определением "матроны". Она была толстой в середине, тяжелой в груди и чертовски извращенной. Мы редко занимались сексом в миссионерской позе. Она учила меня удовольствиям задницы, рта, прижатых друг к другу сисек, рук или ног. Это было весело до тех пор, пока майор Как-его-там не вошел, когда я был глубоко в ее рту, мои пальцы вплетены в ее волосы, она фыркала и мычала, густые сопли свисали веревками из ее рта и моих яиц. Я чуть не обделался, но он только улыбнулся и сказал: "Дальше я сам". Я вышел через заднюю дверь, буквально с трусами в руках, и на следующее утро меня ждали заказы для Шемьи, Аляска. Позже мне сказали, что в ту ночь она потеряла пару зубов. Я провел последний год службы в ВВС в звании Е-4 и отморозил себе задницу.

Поэтому я вернулся домой. Мама встретила меня в аэропорту, она почти не изменилась, за исключением нескольких полосок седины в волосах. Она сохранила мой "Мустанг", и я поехал

домой, не меняя настройки радиоприемника, слушал старые песни, а мы подпевали. В моей комнате все было так, как я оставил, включая мой теперь уже ужасно устаревший компьютер на столе, мои автомобильные журналы все еще лежали на полке. Я усмехнулся и сказал: "Ну, по крайней мере, ты не превратила ее в швейную мастерскую, спортзал или что-то в этом роде".

Она улыбнулась и слегка погладила меня по щеке кончиками пальцев. "Ни за что, - сказала она, - а теперь приведи себя в порядок. Я приглашаю сына на ужин".

Так я и сделал, и она сделала.

Ужин прошел весело. Мы разговаривали, смеялись, и я побаловал себя тем, чего нет в ресторанах. Лобстер был восхитителен. Мы немного выпили в местном баре, который я запомнил, и танцевали под музыкальный автомат на крошечном танцполе. Мы хорошо танцуем вместе. Так и должно быть. Она научила меня перед моими первыми танцами в младшей школе и занималась до тех пор, пока я не ушел на базовую подготовку.

Дома я сказал, что устал и пойду спать. Она слегка хихикнула, сказала "спасибо за чудесную ночь" и поцеловала меня. Больше, чем поцелуй матери и сына, но меньше, чем приглашение. Я подумал, что это был интересный поцелуй, и направился в постель.

Я пописал, почистил зубы, разделся догола и забрался в кровать. После почти четырех лет казарменной жизни ощущение прикосновения простыней к коже было приятным. И я заснул после трех глубоких вдохов.

И вот теперь я был здесь, моя мать лежала на мне, откинув голову назад, с открытым ртом, из которого текли слюни. И мы не просто поместились, мы совпали. Как будто маленький гребень прилегал к линии моего головки, где она выходила из ствола. Другая теплая впадина соответствовала толстой линии вдоль нижней части моего ствола, а еще одна - большой вене вдоль верхней. Она ничего не говорила и не издавала никаких звуков. Ее бедра покачивались, почти нежно, и она напрягалась каждые несколько секунд, и я чувствовал свежий прилив теплого вазелина на моих яйцах и вниз по трещине моей задницы.

Она кончила, внезапно, эффектно, ее голова откинулась назад, издавая почти беззвучный шипящий звук. Все ее тело напряглось, и когда я провел руками по ее талии и ребрам, она вздрогнула. У нее текло из носа, и когда я коснулся ее сосков, я понял, что с них капает.

Она кончила во второй раз, так же внезапно и так же эффектно. На этот раз мышцы ее влагалища сжались, почти болезненно, там, где я был внутри нее. Она держала это напряжение в течение измеримой доли вечности, и совпадение наших тел было настолько идеальным, что мы действительно были единым целым.

Она кончила в третий раз, и я подумал, что она потеряла контроль над мочевым пузырем. Это было похоже ни на что, что я когда-либо испытывал. Она была теплой, влажной и жидкой, а запах был чистейшим ароматом женщины. И это продолжалось и продолжалось, ее голова

была откинута назад, издавая почти беззвучный шипящий звук.

Наконец, она просто рухнула. Я был все еще тверд, все еще внутри нее, и наше слияние все еще было идеальным.

Я держал ее так, мои пальцы прослеживали линию ее позвоночника, медленно, вверх и вниз, от основания черепа до копчика, и время от времени она вздрагивала. Мы молчали, лежали, соединившись. Она слегка пошевелилась, ее ноги сомкнулись с моими, она прижалась ко мне. Я чувствовал, как она расслабляется, заставляя меня нести ее вес.

"Я люблю тебя, мама", - сказал я, и она сжала то место, где я был внутри нее.

"Я люблю тебя, Дэвид", - сказала она, и было что-то такое в этом слове, что нарушило мой контроль. Я кончил, мощная эякуляция, не похожая ни на что, что я когда-либо испытывал. Все мое тело отдалось ему.

"Спасибо", - прошептала она.

Я хихикнул и сказал: "Нет, мама, спасибо ТЕБЕ".

Она хихикнула на это.

Как это обычно бывает, я размяк и выскользнул, заставив ее слегка хныкать.

Она приподнялась и скатилась с меня, чтобы лечь на бок, слегка проведя по мне рукой.

Затем она улыбнулась, дикой ухмылкой, немного приподнялась, завела руку мне под голову и провела рукой по моему соску.

Он был влажным.

Я открыл рот и взял его в рот. Он был большой и очень твердый, почти как будто я сосал дюймовый кусок хот-дога.

Мне показалось естественным взять немного больше ткани в рот и прильнуть к ней, языком массируя ее большой сосок о крышу моего рта.

Ее молоко было теплым и насыщенным, почти густым.

"Надеюсь, тебе это нравится, Дейви", - сказала она очень мягко, кончиками пальцев слегка смахивая волосы с моего лба. Затем она хихикнула и сказала: "Я достаточно потрудилась,

чтобы дать его тебе. Шесть месяцев гормонов, утренней тошноты и откачки".

Она быстро вдохнула, пока я сосал, и смогла прошептать: "мммммммммммммммммммм".

"Боже, я так рада, что ты дома", - сказала она, пока я кормила грудью.

Я думаю, что мне удалось еще одно "мммммммммммммм". Но я не уверена. Я очень скоро уснул.

http://tl.rulate.ru/book/1710/49656